

В начале 90-х Лариса Васильева вдруг бросила стихи и написала две исторические книги, которые мгновенно стали бестселлерами: «Кремлевские жены» и «Кремлевские дети». Совсем недавно вышел в свет двухтомник ее прозы под названием «Жены русской короны». В аннотации написано: художественно-публицистическое исследование, литературный опыт последовательного отношения к истории с точки зрения женщины.

Отец Ларисы Васильевой Николай Кучеренко был конструктором, одним из создателей знаменитого танка Т-34. Во время войны эти танки делались в Нижнем Тагиле, где прошли детские годы Ларисы.

Едва научившись произносить слова, она стала говорить в рифму. Мать заволновалась и пригласила врача. Врач Елена Николаевна сначала послушала девочку, потом попросила почитать стишки, улыбнулась, сказала, что девочка абсолютно здорова. Ларисе Елена Николаевна подарила сказки Пушкина. Способность импровизировать в стихах Васильева сохранила.



Независимая газета. - 2000. - 18 марта. - с. 9 Лариса Васильева.

«НАША ВЛАСТЬ – ХОЛОСТЯЦКАЯ КВАРТИРА...»

Лариса Васильева не хочет жить среди одиноких амбициозных мужчин

Татьяна Земскова

КАК ВАС лучше называть – поэтессой или поэтом?

— Поэтессой, конечно. У меня женская рифма. Это мужчины считают, что если ты талантлива, то не можешь быть абсолютно женщиной. Мол, мы тебя к себе пришьем и причислим. Мужчине неприятно сознавать, что женщина может быть талантливее него. Думаю, женская литература еще впереди. Женщина только выходит на сцену, особенно в России. Очень надеюсь на сильное женское начало, которое придет в литературу и установится в ней.

— Как все-таки случилось, что лирическая поэтесса вдруг решила заглянуть за кремлевскую стену и написать «Кремлевских жен»? Можете быть, вы просто схватили удачу за хвост?

— Этот хвост давно болтался, начиная с 60-х годов. Во-первых, я все-таки в какой-то мере принадлежала кремлевскому кругу. Вернее, время от времени оказывалась в нем. Но главное, именно с той поры идею женского начала, которое очень сильно во мне, я стала каким-то образом проговаривать. Сначала в узком кругу, потом где-то на трибуне и даже на эстраде. К этому относились настроенно. По сути, я была одинока.

А потом я начала читать русскую историю с женской точки зрения. Я сидела на этом шестке и чувствовала себя царшей цариц. Хотя на этот женский взгляд все плевали и никто меня не слушал. Вообще, женская точка зрения считается антинаучной. Даже академик Лихачев об этом писал. Это меня подзадорило. В конце 70-х я начала собирать несколько папок. В одной были материалы о русских царицах, в другой — о «кремлевских женах». И я все копалась, копалась в истории... А в середине 80-х умный муж мне сказал: «Что ты с царицами возишься? Ведь твои героини — кремлевские жены — умирают. Надо бежать к ним. Ты же потом локти кусать будешь. А еще не сегодня-завтра может вернуться мадам цензура, и ты не сможешь этого напечатать». Я бросила «Жен русской короны» и пошла с магнитофоном по кремлевским семьям. Однажды вся книга явилась у меня перед глазами. Все эти женщины выстроились передо мной, как матрешки. И я увидела самую великую из них — Надежду Константиновну...

— А почему она самая великая?

— Потому что она нам революцию сделала. Были две великие женщины в начале XX века. Это Надежда Крупская и Мария Склодовская. У них очень близкие судьбы: обе немножко польки, вообще славянки, одна преподавала в школе, другая учила рабочих. Все очень похоже: как они выходили замуж, как работали. И обе создали две великие разрушительные

силы XX века: революцию и радий.

— Первое издание «Кремлевских жен» появилось в начале перестройки, когда было модно чернить всю советскую историю. А вы к своим героиням относитесь все-таки с сочувствием... Если не сказать с симпатией.

— А как же им не сочувствовать? Я же хотела разобраться в женской судьбе. Судьбы кремлевских женщин несчастливые. В конце концов, они все упали с этой случайной высоты. Может быть, только высота Крупской была не случайной. А случайное появление молодой женщины Аллилуевой рядом со Сталиным окончилось не случайно. Потому что, кроме погубили, там ничего не могло быть. И как же мне их не жалеть?

— Правду говорят, что ваш отец был любимцем Сталина?

— Думаю, нет. Отец не нравился Сталину, потому что он был огромного роста, настолько выше Сталина, что тому неприятно было стоять с ним рядом. У отца были очень яркие голубые глаза. Думаю, он не Сталину нравился, а женщинам. Отец умер в 1976 году. А так как он был засекречен, всегда очень много работал, то при его жизни я ничего не знала о его взглядах и позициях. Когда я пыталась чем-то интересоваться, он делал из моего носа «звонок» и говорил: «Много будете знать, скоро состаришься». Это было вплоть до его ухода на пенсию. Только тогда он стал более разговорчивым. Он не любил, когда Сталина ругали. Но никогда я не слышала, чтобы он его хвалил.

— Оказали ли родители влияние на выбор вашего пути?

— Очень большое. Мама была женщиной романтической, писала стихи. Разумеется, для себя. Она привезла с собой в эвакуацию компанию подружек. И среди них была женщина графского происхождения, которого она почему-то никогда не скрывала. Ее звали тетя Таня. Она пыталась мне привить хорошие манеры, которые мама старалась отвить, так как понимала, что я живу в другом обществе. И все-таки эти манеры накладывали на меня определенное отпечаток. Тетя Таня очень много рассказывала историй из жизни дореволюционной России. Так с детства эта жизнь меня очень увлекла. Там было все очень красиво: царь, царевич, прелестные девочки — четыре сестрички... Правда, тетя Таня никогда не говорила мне, что они были убиты в грязном подвале, совсем близко от меня, в Свердловске. Где-то на втором году войны к нам стал ходить глухонемой, он принесил книжки, когда за деньги, когда за тарелку супа, когда за что... Тетя Таня, как она влюблялась, обкладывала нас культурной данью. Тогда я прочитала «Анну Каренину», прочитала «Жизнь» Мопассана. Мопассана читать было увлекательно и интересно, сердце колотилось, наверное, это было элементом полово-

го созревания. Этой книги я боялась, но она меня очень влекла. И, конечно, был прочитан «Герой нашего времени». Я воображала себя Бэлой, а Печорин мне совсем не нравился, казался подлым. В детстве я была влюблена в Багратиона. Петр Багратион, изображенный в профиль, был моим главным возлюбленным. Каким-то образом он повлиял на мой вкус. Такой демонический профиль мне всегда нравился в мужчинах.

— А сегодня вы пишете стихи?

— Нет. Хотя одно издательство предлагает издать мою поэтическую книгу. Не так давно был случай. На вечер ко мне подошла женщина и сказала: «Вы знаете, в конце 60-х годов была одна очень хорошая поэтесса. Она ваша однофамилица, Лариса Васильева. Но она погибла в автомобильной катастрофе. Вы не знаете ее стихов? У нее были такие замечательные строчки: «Сбежала с белого крыльца, Открыла тяжкие ворота. И даль ясна до поворота, А кажется, что до конца». Она как будто предсказала свою гибель. Найдите где-нибудь ее стихи». Я дослушала и тихо отошла в сторону. Не призналась.

— В каком времени вам легче: в советском или постсоветском? Многие писатели сегодня бедствуют, другие вообще поменяли профессию...

— Я тоже в каком-то смысле поменяла профессию. Я стала историческим писателем, а была поэтессой. И потом, для меня понятие благополучия особое. Разумеется, в постсоветское время и я пережила сильные потрясения: у меня умер муж как раз в эпоху этого страшного распада. Я просто не умею, не хочу и не люблю жаловаться. Но, как сказала Анна Андреевна: «Я была тогда с моим народом, Там, где мой народ, к несчастью, был».

— А как научиться не жаловаться? Вы много говорите о женском начале, а женщинам все-таки свойственно жаловаться.

— Надо посмотреть в зеркало и сказать себе: «Ну, конечно, я уже не девочка. Но ведь я еще не старуха». Вообще, жизнь сама по себе счастье, какая бы она ни была. Посмотрите, как за эту жизнь держатся люди, как не хотят они умирать. У меня есть одна знакомая, одинокая женщина, которая всегда ноет, хотя живет сравнительно благополучно, если объективно посмотреть. И вот однажды она ныла, ныла, даже грозилась покончить жизнь самоубийством. А она всю жизнь собирала какие-то серебряные вещи, предметы старины. Устав от ее нытья, я вдруг предложила: «Если ты собираешься свести счеты с жизнью, давай-ка отпущи мне всю твою старину». И вдруг моей знакомой умирать расхотелось. «Нет, я еще не все собрала», — сказала она. То есть жажда жизни у этой женщины выражена вот в этом собирательстве. Я думаю, жаловаться заставляет нас душевная незанятость.

— Как вам удается так молодо выглядеть, практически не употребляя косметики?

— Лучшая косметика для женщины — это ее внутреннее состояние. Если женщина достаточно подтянута внутренне, если в душе светится какой-то огонек, если есть любимое дело, она будет всегда хороша. Однажды меня спросили, почему я не крашу губы. Я ответила шуткой: мол, каждую минуту жду, что меня кто-то поцелует.

— «Жены русской короны» — в какой-то степени сочинение уникальное. В жанре исторической литературы впервые такой опыт...

— Там очень много открытий, и не потому, что я такая умная. Я проследила всю нашу историю, проштудировала труды всех историков: и летописцев, и Карамзина, и Татищева, и Соловьева, и немцев. Это была тяжелая работа. Но чего я добивалась? Я увидела историю с точки зрения женщины. А женщина смотрит на историю совершенно иначе. Я увидела, как много сделала женщина, находясь где-то около власти, не имея никакой права, кроме права быть женой. Вообще, русскую государственность сформировала женщина. Княгиня Ольга, расправившись с древлянами, разделила свою дружину на две части. С одной пошла сама, с другой отправила сына. Пошли в разные стороны определять границы. До нее никто из русских князей этого не сделал. То есть княгиня проявила себя как хозяйка. А хозяйка должна знать, что есть у нее в хозяйстве. Это был чисто женский жест. Она же поняла одну очень важную вещь: народ и власть должны иметь одну религию. И эта идея привела ее к личному принятию христианства.

— Вы говорите, что женщина всегда была около власти. А императрицы — Екатерина, Елизавета?

— Все русские императрицы учитывали, что трон — это мужское место. Они должны были воевать, издавать указы, которые подсказывали им придворные. Они были мужиками на троне. Хотя женское начало все-таки присутствовало. Например, Елизавета Петровна замечательна тем, что отменила в России смертную казнь. Ни один мужчина на это не пошел. Екатерина очень сильно способствовала просвещению. И все же и та, и другая выполняли мужскую функцию. В этих книгах я утверждала, что у женщины за всю историю человечества никогда не существовало на вершинах власти своей женской функции — рядом с мужской.

— Вы все время говорите о женском начале. А в чем, собственно, оно заключается?

— Это когда надо бежать туда, где свет погас. Душа — вот что такое женщина. Чувство, сердце, любовь, жертвенность, доброта, нежность... А в нежности нуждаются все. И этого так не хватает в нашем российском обществе. И потом, сама Россия по своему типу

— женщина. «О, Русь моя, жена моя, до боли/ Нам ясен долгий путь».

— Некоторые считают, что вы женщина мистическая...

— Я родилась 23 ноября. Это первый день зодиакального Стрельца. Некоторые астрологи утверждают, что именно в этот день на орбиту выходит созвездие Змееносца, всего на один или два дня. Вместе со Стрельцом они каким-то образом могут образовать тринадцатый месяц. Поэтому люди, родившиеся в этот день, очень часто не видят, что происходит у них под носом, но зато видят будущее. Я тоже странным образом могу видеть будущее. Я фантазирую по поводу будущего. Например, в конце 70-х я написала статью о том, что совсем скоро поэзия не будет никого интересовать. Один знаменитый поэт сказал, что меня надо убить. У меня есть некий ключ: я сторонница теории взаимоповторяемости событий.

— Что, на ваш проницательный взгляд, ждет нас в XXI веке?

— Я могу сказать про первые двадцать пять лет. Согласно моей теории взаимоповторяемости, это осень века — время преобразований. Если взять русскую историю, так происходит буквально в каждом веке. Возьмем близкий XX век. Первые годы — время преобразований, которые в 1917 году наконец-таки дают свои плоды. Причем плоды эти сразу падают на землю. Если мы посмотрим на XIX век, то опять-таки первые 25 лет — эпоха преобразований: Александр I, становление национального самосознания. Подумайте только, два века, начиная с Петра I, двор, знать, цари — все разговаривали на иностранных языках. В какой стране такая муть могла бы быть? Представьте себе английский двор, где говорят по-немецки, или немцев, которые при дворе говорили по-русски или по-китайски. У нас железный занавес висел всегда, такой или другой. И комплекс неполноценности, который выражался в дикой страсти к западному существованию, с одной стороны, а с другой — в неприятии всего западного, в квадном патриотизме, который тоже есть комплекс неполноценности. Вот у нас говорят, что Петр открыл окно в Европу. Открыл... Но не в Европу, а из Европы. Если бы он открыл окно в Европу, мы бы хлынули туда, и новые русские появились еще в те времена. А он открыл *оттуда*. И Европа хлынула к нам во всех видах. Мы это перемололи. Вообще, Россия обладает гигантским ассимилятивным свойством. Меня, например, смешат, но совсем не пугают все эти новые жуткие словообразования: пицца-хаты, приватизации, пиары и прочее. Все это наш язык, великий и могучий, перемалывает. Видимо, ему не хватает англицизмов.

— Но вернемся к прогнозам...

— Здесь есть одна закономерность: чем тяжелее было лето, тем тяжелее будет осень. Думаю, что преобразования будут проходить

очень трудно. Что к началу второго 25-летия нас ждет диктатура.

А сейчас все зависит от того, какая фигура возникнет на вершине власти, этой всегда качающейся вертикали. У нас всегда власть — качающаяся вертикаль. И, как правило, без фундамента.

У меня есть идея предложить другую картину устройства государственной власти. На мой взгляд, слово «президент» — кстати, иностранное слово — не приживается в России. Вообще определение словом очень важно. У нас бы больше подошло слово «правитель». Полагаю, что у власти должна быть основа, некое духовное начало, на которое все опирается.

Власть должна быть построена в форме пирамиды-тетраэдра. Во главе — верховный правитель, у него — соправитель и обязательно соправительница, потому что женский мозг у нас не задействован. Должны быть совет старейшин и совет молодых. Одна из ветвей власти — духовный мир. Все религиозные конфессии должны быть соединены под главенством нашего Патриарха. Не может Церковь быть отделена от государства. Потому что члены государства — ее дети, ее паства. Власть — это образ семьи.

Что касается женщины-соправительницы, разве позволила бы она войны или такую безнравственность, которая царит сейчас? Уверена, нет. У нас бы не было вокзальных проституток и всей этой порнухи, которая есть только в нашей стране. Неверное понимание Запада делает нас просто обезьянами. А мы не обезьяны. Когда-то Александр I разговаривал с Кутузовым, который отговаривал его посылать войска в Европу. «Но почему? Разве мы не Европа?» — спрашивал Александр. «Нет», — отвечал Кутузов. «Как нет? Знают, мы Азия?» — «Нет, ваше величество», — сказал Кутузов. — Мы не Азия. Мы Россия».

— Если говорить о власти в образе семьи, то слово «семья» в последнее время скомпрометировано именно в этом контексте...

— Его скомпрометировать нельзя. Семья существует тысячи лет. А негативное значение очень скоро забудется. Но одна любопытная деталь: у этого слова появилась спасительная функция. Дочь пошла работать во власть, в эту качающуюся вертикаль, чтобы помочь отцу или даже спасти отца...

— Все же ваша схема устройства государственной власти — чистая утопия. Вы полагаете, что когда-нибудь такая модель может воплотиться в жизнь?

— Никакой утопии. Утопия — это то, что не вышло: «пролетарии всех стран, соединяйтесь», «призрак коммунизма бродит по Европе». А семья — это жизнь. Государство — конгломерат семей. Если моя идея не воплотится, мы будем в который раз наступать на собственные грабли.

Женщина — существо предсказуемое, надежное. На мой взгляд, власть, которая нами управляет, — колоссальная холостяцкая квартира, где действуют одинокие амбициозные мужчины, которые дерутся между собой невест за то, из-за каких-то принципов, которые и принципами-то не являются. Их даже нет, этих принципов, только пустые разговоры о народном благе. А народ живет абсолютно своей жизнью. Женщины в нашей Думе — это политические трансвеститы. Как и все женщины, которые задействованы в мужских эшелонах власти. Замечательный образец трансвестита — Мадлен Олбрайт. Ее спасла Югославия, она Югославию бомбила. То есть женщина опять совершила мужской поступок.

— То есть вы призываете к матриархату?

— Нет. К гармонии. К соединению мужского и женского начал. Ну, к примеру, мы с вами работаем не хуже мужчин. Мы образованны, начитанны, воспитанны, мы выпасаем семью в тяжелый момент. У нас экономический талант, экологический, этический, наконец. У нас есть этнический дар — толерантность, терпимость в национальных вопросах. Почему это не проявляется на общественном уровне?

— Может быть, вы феминистка?

— Нет, это совсем другое. Я — гармонистка. Не та, которая на гармони играет, а которая гармони ищет. Я и книги свои для этого писала. На мой взгляд, национальная идея — это стремление к гармоническому миру. Тем более что в этом веке мы совершили столько дисгармоничных актов, что находимся уже на краю гибели. Поиск гармонии — это возвращение к самому себе.

— У вас есть литературная тайна?

— Есть. И очень жуткая. Она связана со следующей книгой, которая будет называться «Зима железная». Но это отдельный разговор.

— Чего бы вы хотели для себя лично в будущем веке?

— Оставаясь человеком XX века, я хотела бы тут же стать человеком XXI. Если не сумею этого сделать, то превращусь в старуху, у которой ничего нет, кроме воспоминаний.